

ПОДРУГА.

Рассказ.

Стою на пригорке и смотрю на разостланную разноцветную скатерть степи, что нежится под ласковыми лучами южного солнца и перекачивается волнами под дуновением ветерка. Под ногами ступеньки, ведущие к тропинке, что стремится к прохладе воды речушки. По этой тропинке можно сразу выбежать на пристаньку, что вечно любит свое отражение. Повинуясь зову солнца, неба и воды, шагаю к своей старинной подруге, здороваюсь с ней и спрашиваю: «Ну, как дела? Скрипишь ещё? А я вот опять к тебе – можно?»

Сажусь на пристаньку, которую бережно укрывает своими ветвями верба, закурываю сигарету, шурю от дыма, от бликов воды, вслушиваюсь в шуршание камыша, погружаясь в странное состояние полувоспоминаний, полуприбывания в настоящем...

После длительного отсутствия мы вновь вернулись сюда, в родные края, в степной хуторок. Правда, дома нашего уже не было, поэтому поселилась в стороне от всего хутора, в крутом вираже речушки, который с давних пор называют «кутом». Место замечательное: кругом вода, деревья, кусты...Тишина...Приволье.

В конце левады находились и находятся три вербы, разные по возрасту, по густоте крон. Вот с одной из них я и сдружился крепко - с самой старшей, с самой, по моему, мудрой из них. Она, моя подруга, отличалась от других своей розлогистой зелёно-серебристой причёской, мощным четырёхствольем, покрытым морщинистой, как натруженные руки крестьянина, корой и некой романтической задумчивостью струящихся с верхушки вниз ветвей-ручейков.

Сколько времени провёл под её сенью, сколько дум передумано, сколько воспоминаний проплыло вместе с неспешным течением речушки, сколько планов, задумок рождалось здесь...Почему-то радостными и удачными моментами своей жизни я не столь делился с ней, сколь печальными и грустными. Рассказывал о наболевшем, о мучившем душу и сердце, о неудачах и о невзгодах. Никогда она не оставалась равнодушной к моим исповедям: то тяжело скрипела стволами, сетуя на то, что

и ей не всегда было сладко в этой жизни, то успокоительно шептала листвою, то утешала меня, касаясь ветвями головы или плеч... От её участия отходила душа, теплело на сердце, мысли приобретали чёткую стройность и всё произошедшее не казалось столь тёмным, а будущее светлело, как безоблачная летняя утренняя заря.

А сколько мы видели с нею! Сколько она мне показывала...

Многие любят подольше поспать, понежиться в постели, отодвигая день с его заботами, с работой. Не лишён этого греха и я, но летом, как штык, встаю, когда на улице только-только начинает сереть, когда дома, деревья, весь окружающий мир рисуется однотонным очертанием на фоне ещё звёздного неба. Беру удочки, по росистой траве бреду к речке. К вербе. Здравуюсь с ней. Наживляю крючки и совершаю весь соответствующий ритуал, сопутствующий рыбалке. Забрасываю снасти, удобно устраиваюсь в ожидании поклёвки. Небо неспешно светлеет, играя всеми красками утра. Над водой стелется пар. Зябко, но вскоре станет не только тепло – жарко. А пока, поёживаясь от прохлады, слежу за поплавками и наблюдаю за жизнью речки.

Вот беззвучно выныривает из воды ондатра, подплывает к густому настилу из камыша и хвороста, взбирается неуклюже на него. Умильно умывается то ли стоя на задних лапках, то ли сидя на них. Боюсь пошевелиться, повернуться, чтобы не спугнуть её. Она, закончив умываться и прихорашиваться, приступает к трапезе: наклоняет передними лапками молоденькую хворостину, ловко пробегая по ней зубами. Изредка, страхуясь, вертит головой в разные стороны. Малое, коричневого цвета существо опускается на все четыре ноги, вновь поднимаясь, тянется за веточкой, комично жуёт, глядя на меня. Жалею, что рядом нет фотоаппарата – когда ещё встретишь в паре метров от себя спокойную, малоподвижную, словно позирующую ондатру. Завтрак закончен, зверушка сползает с настила, без единого всплеска рассекает водяную гладь. Видимо, лень одолевает её после принятия пищи, потому что не подныривает под удочки, как обычно, не обплывает их, а смешно переваливается через все удилища и неспешно удаляется, скрываясь в джунглях камыша...

Солнце, «играя», уже поднялось над горизонтом, щедро одаряя всех теплом, и мир постепенно наполняется цветом, звуком и запахами. Но природа, хоть полна

гармонии, показывала мне и трагическую, с точки зрения сентиментального человека, сторону.

Как-то с любопытством наблюдал за стайкой мальков, резвившихся в лучах утреннего солнышка. Они виртуозно исполняли свои пируэты, кувыркались, рассыпались в разные стороны, снова сбивались в кучу, догоняли друг друга, блестя золотом и серебром, застывали на какое-то мгновение и вновь продолжали свои забавы... Вдруг из сумрака нависших кустов рванулась молнией змея, которая мгновенно схватила зазевавшуюся рыбёшку и в неспешном повороте стала возвращаться в своё укрытие... Хвостик жертвы ещё трепетал во рту гадюки, а беззаботные малявки вновь принялись за весёлые игры.

А однажды, когда уже собирался уходить с рыбалки, услышал странные звуки и возню на ветвях вербы. Осторожно, стараясь не делать резких движений, стал приближаться к дереву. Внимательно вглядываясь в густоту кроны, заметил молодого сокола гордо и, я бы сказал победоносно, державшего голову. В его когтях билась какая-то пичужка. Замерев, начал наблюдать за развитием событий. Из горла хищника вылетел клёкот, он сильно ударил клювом жертву. Потом ещё и ещё... Отрываясь от трапезы, задумчиво смотрел перед собой или поворачивал голову вправо-влево... Очнувшись, сокол продолжил потрошить птичку. Видимо, я сделал неосторожное движение: стервятник, недовольно глянув в мою сторону, перелетел на соседнюю вербу, где ещё раз клюнул добычу. Не посчитав меня достойным его уединённой трапезы, взмахнул крыльями и медленно удалился из поля зрения... Было тихо, спокойно кругом и только кружившиеся пёрышки пичуги напоминали о драматической страничке повседневности природы...

...Вот до меня доносится какой-то необычный звук: то ли хлопает кто-то по воде, то ли плещется в ней. Наклоняюсь вперёд, кусты, загораживающие обзор, как бы отодвигаются, и на излучине, у противоположного берега, возле двух верб вижу пару лебедей-красавцев. Они исполняют замысловатый танец: поднимая туловища над водой, машут крыльями, изящно выгнув шею, склоняются в реверансе, откинув голову на спину, кружат вокруг друг друга, плывут параллельным курсом, разворачиваются... Все лебединые па описать трудно, так же, как и невозможно было оторваться от этого захватывающего зрелища...

Часто прилетает к моей подруге её личный доктор – пёстрый дятел. Деловито усаживаясь на стволе или ветке,

начинает осмотр. «Здесь не болит? А здесь?». Порхая с ветви на ветвь, обстукивает пациентку. «Тут беспокоит? Так-так...» Тук-тук-тук... Задумчиво склоняет голову, потом, приняв решение, начинает операцию по извлечению вредителей из коры. Дерево притихло. не шевельнёт даже листочком... Ну, всё, профилактика закончена и, шумно затрепетав крылышками, дятел улетает к следующему клиенту...

Наблюдал я вместе с вербой нырки зимородка, медленно летящих или грустно стоящих на одной ноге цапель, скользящих по воде змей и ужей, диких уток и парящих чаек... И цветы раскрывали свои лепестки, и густой настой дурмящих трав кружил голову, и колыхающее марево жары обнимало меня, и ветерок трепал мои волосы...

Всё это вместе взятое возбуждало творческие порывы: писал я вербушку на холсте в утренние быстротечные минуты, когда не поспевают рука за изменениями цветов, а так же днём и тягучим вечером... В солнечную погоду, в дождливую, в зените лета и на его излёте...Есть у меня и графические «портреты» любимицы с её спутницами.

И грустно становится оттого, что вижу, как, дряхлея, погибает моя собеседница. Годы, болезни, бури берут верх над стойкостью и медленно – одна за другой – высыхают ветви, редет некогда густая шевелюра кроны... Я глажу шершавые стволы, на которых образовались плечи, произношу бодрящие слова, но она – умница – понимает неизбежность своего конца, тихохонько поскрипывая, снисходительно, как мне кажется, улыбается в ответ. Рано или поздно нас всех ждёт один и тот же финал. Потом, главное, чтобы вспомнили тебя «незлым тихим словом». Дерево сейчас, сбрасывая ветви, уже пополняет запас топлива на зиму. Придёт пора, от моей подруги останутся только дрова, которые подарят людям тепло в непогоду и стужу.

Я люблю смотреть на огонь – тот всегда навевает на меня воспоминания с лёгкой грустью. И когда верба будет полыхать последней жизнью – вспомню обо всём, что с ней связано...

х. Качалин,
1999 г.